

И ухватит за бочок

Дмитрий БЫКОВ

В России нельзя не чувствовать себя заложником (думаю, впрочем, сегодня это распространяется на весь мир — поскольку черты деградации всех идей и паханизации всех групп в нем совершенно отчетливы; так кончаются цивилизации). Не успеешь высказать даже самую невинную мысль, как оказываешься солидарен с такими людьми, что впору отречься от собственного мнения.

Сразу после выхода нового романа Виктора Пелевина «Священная книга оборотня» («ЭКСМО») я написал в «Огоньке» о том, что роман меня разочаровал, что впервые в жизни у Пелевина получилась скучная книга, полная софизмов, что даосское учение ничем не жизнерадостнее марксистского и проч. Все так. Но прочитавши совершенно неприличные по тону статьи Михаила Золотосова («Вяленький цветочек») и Андрея Немзера («Скука скучная»), а также кислотато-снигидительный разбор Майи Кучерской, ужасно польщенной тем, что в новом романе есть недружеский шарж на нее, я считаю долгом заметить, что сколь бы неудачен ни был новый роман Пелевина, это все-таки самая значительная книга, появившаяся в этом году. Рядом с ней можно поставить только «Номер один» Людмилы Петрушевской, которому от того же Немзера досталось по полной программе; прямо-таки клиническое чутье у этого человека на все значительное — и такая же клиническая ненависть к нему. Оно конечно, когда все пишут посредственно, как Слаповский, либералу спокойнее, потрясенный меньше...

Мы привыкли думать, что у критика нет никаких стимулов, кроме эстетических или там личных, всяко бывает, — но забывать про классовые я бы тоже не советовал. Немзер и Золотосовы ведь — адепты того самого русского либерализма, о котором в романе Пелевина все сказано с исчерпывающей точностью: во всем мире слово «либерал» обозначает сторонника абортот и защитника бедных перед богатыми, а в России — «бессовестного хоряка, который надеется,

что ему дадут немного денег, если он будет делать круглые глаза и повторять, что двадцать лопающихся от жира паразитов должны и дальше держать всю Россию за яйца из-за того, что в начале так называемой приватизации они торговали цветами в нужном месте». И пусть даже эти слова произносит в романе волк-оборотень Саша Серый, трудящийся в ФСБ (Пелевин вообще тщательно дистанцируется от всех оценок, высказанных в романе, — в нем нет ни одного симпатичного персонажа, а потому все надо воспринимать с поправкой на преломление): констатация абсолютно точна, от кого бы она ни исходила. Не менее точен и восхитительный пассаж из письма одной лисы-оборотня к другой, желающей перебраться в Россию из Таиланда: все реформы в России заключаются в том, что выдвигается лозунг «Рыба гниет с головы», после чего гнилая голова пожирает здорое тело и плывет себе дальше. В результате все, что было в России гнилого при И в а н е Грозном, благополучно здравствует, а все здоровое, что было еще лет пять назад, благополучно сожрано. К этому нечего добавит — текущий момент охарактеризован точно и безжалостно, и если никто, кроме лисы-оборотня, этого не понимает — тем хуже для коренного населения. Конечно, Пелевин со своей прекрасно устроенной головой мог бы задаться и вопросом о причинах такого постоянства, — но боюсь, что здесь уже он может дать только самый предсказуемый ответ о неправильном выборе доминирующего мировоззрения. Вот если бы Россия была буддистской страной, небось все было бы отлично... Впрочем, тут я уже начинаю отвечать за него.

Конечно, ни буддизм, ни какое-либо другое скучное мировоззрение, объявляющее реальность иллюзией,

а любую деятельность — суетой, не дает универсального ответа на все вопросы и не обеспечивает тексту увлекательности. Без единой эмоции, главной ноты, на которой бы все держалось, — рассыпается любая конструкция, особенно такая слабая, как пелевинская. У него, собственно, никогда не было сильных фабул, главный интерес не в них, — ни в одном романе Пелевина не было увлекательного сюжета, а ценили мы его именно за мучительную детскую тос-

ля. Он ведь и сам оборотень, сам немного волк, почувствовавший, что ему дано не только терпеть эту гнусную реальность, но еще и разрушать ее одним ударом лапы. Правда, никакой новой он взамен не создает, да и не может создать — ведь когда разобьешь это кривое зеркало, за ним видишь не другое зеркало, а «радужный поток». Но наслаждение, с которым разлетается вдребезги отвратительный мираж, — остается неизменным, это подспудный тон всей пелевинской прозы.

Иное дело, что собственная завороченность силой, любовь к разрушению и нелюбовь ко всему «человеческому, слишком человеческому» Пелевина немного пугает, и правильно пугает. Не зря все правильные мысли у него озвучивает волк, не зря и жалко в книге только этого волка, который на почве любви превращается в обычную собаку. Все это точно и хорошо придумано, мало ли таких одомашненных волков мы видели! Волку любить нельзя, он от этого силу теряет. Вот почему в прозе Пелевина все меньше любви. Собственно, между лисой А Хули и волком Сашей Серым происходит не любовь, а «хвостоблудие», как называл это тот же Саша: они сплетаются хвостами и наводят друг на друга морок, а чисто физическая сторона любви их вообще не занимает — лису по крайней мере. Но ведь помимо «чисто физической стороны» и взаимного гипно-

большинства российских авторов, будь то «новые реалисты» или «бытовики», фантасты или историки, — человека тоже нет, а есть то, что у Пелевина названо «бесхвостой обезьяной». Человек — это должно звучать гордо, или грустно, или мерзко, но пусть по крайней мере звучит! Между тем современный герой (как, кажется, и современный человек) лишен любых человеческих проявлений — поневоле приходится писать про оборотней в погонах.

Но и со всеми этими неутошительными констатациями, провалами, откровенной безвкусицей и пр. Пелевин остается лучшим современным русским писателем, потому что работает с реальностью и именно эту реальность осмысливает; он болеет всеми болезнями века и не скрывает этого; он называет по имени то, чего другие не отваживаются даже заметить — какое уж там название вслух... Его предыдущий цикл «ДПП (NN)» был, на мой вкус, лучше, а роман «Числа» вообще принадлежал к пелевинским вершинам, — но и «Священная книга оборотня» годится для разбора, осмысления и неоднократного перечитывания. Тогда как подавляющее большинство современных книг не годится даже для того, чтобы один раз открыть, все понять и забыть в гостях. Пелевин — один из немногих русских прозаиков, пишущих не для того, чтобы произвести впечатление, а для того, чтобы раз-

Пелевин — один из немногих русских прозаиков, пишущих не для того, чтобы произвести впечатление, а для того, чтобы разбраться с собственной тоской и мукой, с собственной страной проживания

браться с собственной тоской и мукой, с собственной страной проживания, о которой в новом романе есть отличная, сентиментальная,

за есть и любовь как таковая, а именно восторг и умиление при виде другого человеческого существа. Волкам это мало знакомо, а если и знакомо — они с этим старательно борются. Потому-то у Пелевина почти нет любви как таковой. Вот хорошая тема для будущего исследователя: почему все любовные акты происходят у него между комаром и мухой, лисой и волком — а все, что случается между людьми, описано бегло, вскользь и без интереса? Видимо, потому, что все это «слишком животное»; но ведь и «хвостоблудие» — занятие не слишком человеческое, оно скорее для монстров. Монстры у Пелевина есть — сверхчеловеки, иными словами (или «сверхоборотни», как сказано в романе). Жалкие уроды — комары, мухи, покемоны — тоже наличествуют. Нет человека, и это самое обидное. Потому что проза, в которой нет человеческой составляющей, не вызывает и человеческих эмоций, — сколь бы умна, точна и изысканна она ни была.

Впрочем, здесь Пелевин может повторить вслед за Пастернаком: «Я человека потерял с тех пор, как всеми он потерян». В романах

надрывная глава — я имею в виду историю про Крошечку-Хаврошечку, которой ее верная коровушка продолжает поставлять нефть. Тут уж такая живая любовь-ненависть к России, такая соль на рану, что настоящий талант опознается сразу, даром что все остальное много ниже этого таланта.

Можно долго говорить о том, что Пелевин только играет словами, или только зарабатывает деньги, или только выполняет договор, заключенный с «ЭКСМО» и обязывающий его писать по роману в год. Если такой договор существует — это к лучшему: каждый год мы будем получать точный и смешной диагноз от Пелевина. Важно, что помимо всех внелитературных задач у Виктора Олеговича есть и литературная, боль-то не спрячешь: он продолжает по-волчьи сражаться с окружающим мраком. И не надо, вероятно, требовать от волка, чтобы у него было человеческое лицо. Книга-то ведь в конечном итоге получилась о мучительном рождении человека, рожденного ненавидеть все окружающее — и вдруг заметившего, что в нем есть нечто достойное любви. ■

«Мне ни разу не удавалось написать ту книгу, которую я хотел»

Из интервью Виктора Пелевина

Этот роман был не столько сочинен, сколько надиктован мне некой женской сущностью, очень симпатичной, в которую я просто влюбился, пока писал книгу. Я, конечно, не хочу сказать, что действительно верю в подобные вещи — просто субъективно все воспринималось именно так. Книга писалась очень легко, и я выполнял функцию не столько сочинителя, сколько стенографа и редактора. Поэтому перестраиваться мне не было необходимости. Но у меня действительно было сильное отождествление с героиней — вплоть до того, что несколько раз мне мерещилось, будто я стучу по клавишам лисьими лапами.

Я вообще не являюсь адептом восточной культуры — или какой-либо другой. Когда я слышу слово «адепт», я представляю себе гипсовый бюст Аристотеля, которым один сумасшедший бьет по голове другого. А когда я слышу

слово «культура», я вспоминаю о судьбе доктора Геббельса, который хватался при этом слове за пистолет, а потом сам получил пулю в затылок. От подобных эксцессов разумному человеку лучше держаться подальше.

Для меня роман похож на Цветочный куст, который развивается и растет по своим собственным законам. А писатель — садовник. Он просто поливает это растение и отрезает сухие ветки, но спрашивать у него, почему цветы на нем желтого цвета или почему на каждой веточке именно пять листочков, бесполезно. Писатель может, конечно, что-нибудь наврать по этому поводу, но сам он никогда этого не знает до конца. Мне ни разу не удавалось написать ту книгу, которую я хотел. Как же я могу ответить на вопрос, почему она такая, а не другая?

«Известия», 16.11.2004